

Гийому, Симону-Адероу и Реми-Тарикю.
Вы — мои самые прекрасные приключения

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много духом страдал на морях, о спасеньи заботясь...

ГОМЕР
*Одиссея*¹

Можно ли оплакивать человека, о смерти которого тебе
не известно?

КЛЕОПАТРА АНАСТАСИУ-ПОПЕСКО
Психоаналитическая одиссея

1 Перевод В. Вересаева.

1

Гари

Море всегда хранило мне верность, не предавало ни разу. Оно выкидывало фортели, пугало меня, но мы всегда мирились. Нашей взаимной любви уже сорок один год. Впервые я нырнул в него в день моего рождения, когда мне исполнилось четыре года. Говорят, не бывает осмысленных воспоминаний об этом возрасте. У меня все по-другому. Если только я постоянно не придумываю себе это воспоминание. Какая разница, скажете вы, главное, что в моей памяти сохранилось то, кем я сделался с ключевого момента, который сформировал меня. Отец бросил четырехлетнего в воду, заявив, что мне уже давно пора научиться плавать. Я не сопротивлялся и не испугался. Как будто ждал этого. Как если бы я был рожден, чтобы погрузиться в море. Ноги и руки инстинктивно пришли в движение, я поплыл — не то чтобы традиционным способом, но все равно продвигался вперед. Мне хотелось как можно дольше пробыть в воде. И после этого всякий раз, когда родители вы-

таскивали меня из моря, я выскальзывал из их рук, как угорь, и с головой погружался в воду, чтобы наблюдать за невероятным зрелищем поднимающихся пузырьков. Меня по-прежнему тянет оставаться как можно глубже, ближе к дну. В тот раз глубина была огромной только для меня, но мне показалось, будто я проник в морскую пучину. И я тогда испытал абсолютную полноту бытия.

Этот день определил мою судьбу.

И вот мое существование закачалось и повисло на грани исчезновения, притом там же, где оно началось. Море, любовь всей моей жизни, море, прощавшее мне все слабости, принимавшее все промахи, вознамерилось поглотить меня. Я ждал чего-то более грандиозного и всегда считал, что смогу уйти, задержав дыхание, а вовсе не на привязи у своих кислородных баллонов. А тут дурнота навалилась на меня, когда после блаженного погружения я поднимался на поверхность. Я прекрасно знал, что со мной происходит, и в другое время не обратил бы на эту мелочь внимания. Не нужно было погружаться сегодня. Я был к этому не готов. В ушах у меня звенело. Я был усталым, раздраженным. Большую часть последней ночи я пил, чтобы заглушить боль.

Голова кружилась, мысли путались. Секундой раньше я еще не сомневался, что направляюсь к свету, и понимал, где дно, а где поверхность. И вот я потерял все ориентиры и больше не знал, где нахожусь. Этим утром я почувствовал потребность погрузиться в воду, очутиться там, где я бываю самым счастливым, и я подарил себе право остаться в одиночестве, обойтись без компании. Я намеренно пренебрег правилами безопасности, соблюдения которых требовал от каждого, кого обучал дайвингу. Правилами, кото-

рые затвердил еще до того, как подводное плавание стало моей профессией. Но сегодня я предпочел избавиться от этого знания. Забыть. А раз я был готов забыть, скоро забудут меня. Если бы я не сделал глупость, погрузившись без пары, я бы послал знак партнеру, схватил его за руку и был бы уверен, что недопомогание не убьет меня. Но я был полон горечи и поэтому остался один. Никому не подхватить меня, не поднять к свету. А ведь я уже почти выбрался на воздух. Я отлично знал, что должен делать, — со мной подобное случалось не раз. Но я выдохся, да и желания спастись, пожалуй, тоже не испытывал. Такой уход очень сладок. Скоро я потеряю сознание и перестану на что-либо реагировать. Я лишь досадовал, что не спустился в совсем уж крошечную тьму... Будь здесь поглубже, я бы сейчас разрешил себе не сопротивляться, не злился бы и не стыдился того, что умер именно так.

Что со мной творится?

Я с облегчением встретил первые признаки близящегося обморока: скоро исчезнут все мысли. В конце концов, я никого не оставлю. Не многие будут оплакивать меня. Именно поэтому ничто не напрягало меня, не побуждало ухватиться за что-нибудь, чтобы не качаться безвольно. Я лишь надеялся, что, если меня найдут, кому-то придет в голову развеять мой пепел над морем. Думаю, я мог положитьсь на ту, что несла ответственность за мою злость и усталость: она находилась поблизости, и, когда новость о моей смерти достигнет ее ушей, ей станет грустно, но ненадолго; она сделает все необходимое, но не более того. Ее ждала другая жизнь. Она-то нашла рецепт существования вне воды. А я вот нет. После нее на земле что-то останется. После меня — ничего. Никакого следа. Ни одного сироты.

Я уже почти отключился. Глаза заволакивало туманом. Губы на загубнике расслабились; скоро перестанет поступать кислород, что тоже хорошо. Так гораздо проще. Зачем бороться? Меня ничто не держало. Я был спокоен, я был на своем месте. Вода — моя стихия, она подарила мне жизнь, сегодня она ее отбирала, так что в таком финале имелась своя логика. Тело прекратило сопротивление, как и разум. Я принимал свою судьбу и никого не винил.

Вся эта синевая, бесконечная, колдовская, гипнотическая, была великолепной, холодной и теплой одновременно, и при этом обитаемой. Она восхищала меня, меня окутывал туман, тело становилось все тяжелее, и я в последний раз любовался красотой моря, окружавшей меня. Ноги и руки больше не сопротивлялись и колыхались по воле моря. Оно влекло меня на глубину. Дно морское звало меня. Неумолимо притягивало.

Глухой шум и вспышка света, проникшего под веки, заставили их открыться. Передо мной образовалась тень впечатляющих размеров. Она прижала загубник к моему рту и сильно стиснула мне руку. Ее суровый и властный взгляд вернул меня к реальности. Тени не хватит сил надолго — она не принадлежала дайверу и не имела снаряжения. В конце концов я ее опознал. Иван. Он любезно доставил меня на своей лодке в море, ни о чем не спросив и не требуя объяснений. Он доверял мне. “Хочешь погружаться в одиночку, твое дело. Если ты сам не понимаешь, что делаешь, никто другой тебе это не растолкует”. Достаточно было его появления под водой, чтобы головокружение отступило. Равновесие восстановилось. Ноги пришли в движение. Жизнь возвращалась в мое тело. Иван еще раз проверил, чтобы убедиться, что я больше не буду делать глупости. Вместо ответа я энергичнее задвигал

ластами и вытолкнул его к воздуху, которого, останься я неподвижным, ему скоро не хватит. Я тоже начал медленно всплывать; возвращались привычные рефлексy. Сквозь толщy воды я следил за лицом Ивана. Я цеплялся за него. Когда моя голова поднялась над водой, я сообразил, что маска наполнилась слезами. Я вцепился в борт, Иван подхватил меня и, приложив все силы, втащил к себе. Я рухнул на дно лодки и начал извиваться, стараясь освободиться от экипировки, а Иван, все так же молча, мне помогал. Если бы я сумел, то разордал бы гидрокостюм — внутри второй шкуры я задыхался. Мне удалось высвободить туловище, и воздух и солнце, попавшие на кожу, принесли мне небольшое облегчение. Я подполз к борту лодки, наклонился над водой и стал неотрывно вглядываться в дно, которое притягивало и гипнотизировало меня. И тогда я испугался. Испугался впервые. Этот страх был несравним с паническими атаками, знакомыми всем ныряльщикам. Он был глубже и гораздо опаснее. И был мне незнаком. Вдруг живот свело ужасным спазмом. Рвота долго не останавливалась. Я выbleвывал свою слабость и гнев.

— Тебе известно, Гари, что я люблю адреналин, — спокойно произнес Иван, после чего взорвался. — Но черт тебя подери! Что ты там под водой устроил? Блин! Ты же чуть не загнулся!

И ты вместе со мной...

— Отвези меня на берег, Иван, пожалуйста...

Я отступил от борта и свернулся клубком на полу надувной лодки, ощущая на себе тяжесть озабоченного взгляда моего спасителя. Мое молчание раздосадовало его, он вздохнул и прибавил скорость. Мы были далеко за коралловым рифом. Брызги падали мне на лицо, на тело, и вода как будто сдирала с меня кожу.

Когда Иван пришвартовался к понтону, я вскочил, недоумевая, откуда во мне такой прилив энергии. Он тоже поднялся и положил руку мне на плечо:

— Тебе, похоже, стоит показаться врачу, Гари.

— Ни к чему это...

Я обернулся к нему: он был искренне обеспокоен.

— Извини за это недоразумение...

Он протянул мне руку, и я пожал ее, не отводя от него глаз.

— Не волнуйся, я никому не скажу, — успокоил он меня.

Я только благодарно кивнул, потому что был не в состоянии вымолвить ни слова. Не в состоянии объяснить ему, что я, возможно, только что все потерял. Свою работу. Веру в себя. Свою жизнь. Я отпустил его руку и ушел.

2

Гари

Я мечтал об одном: закрыться в своем домике и попробовать разобраться в сегодняшнем *инциденте*. А как еще назвать то, что стряслось? Босиком, в костюме, расстегнутом до бедер, я пересек понтон. Выйдя на пляж, я вспомнил, что оставил в лодке Ивана снаряжение. Без него я был как будто голым. Голым и обессиленным, и потому не пошел за ним. Я брел по пляжу Эрмитаж, глядя вдаль, не обращая внимания на встречных, которые здоровались со мной, глухой к кипению своего разума. Я боялся свалиться прямо на людях, на виду у чужих, на виду у Ивана, который, вне всякого сомнения, продолжал наблюдать за мной. Мне нравился этот парень, и я хотел верить, что это взаимно. Подумаю о нем позже и, главное, поблагодарю как следует. В данный момент это было неосуществимо, слишком я был растерян. Как долго продлится это состояние? Поборю ли я слабость? Я считал себя более сильным, ведь прошло уже много времени.

— Гари?

Я немного замедлил движение, по голосу узнав Луизу.

— Я искала тебя, чтобы окончательно решить насчет послезавтра. У тебя найдется пара минут?

— Нет! — с трудом выдавил я.

Собственный грубый и хриплый голос удивил меня, он совсем не походил на мой обычный. Наверное, он поразил и Луизу, поскольку она схватила меня за руку, намереваясь удержать, пока я шел мимо нее, не поднимая головы. Выбора не было, поэтому я резко остановился и уставился на ее руку, лежащую на моей, борясь с дрожью отвращения, которое вызвал у меня контакт с ее кожей. Рот наполнился вкусом желчи.

— Гари, нам надо поговорить. Ты вчера практически сбежал.

— Зачем? — резко спросил я, напрягая все силы, чтобы заставить себя посмотреть на ее лицо, ее тело. — Почему ты обратилась ко мне?

— Я тебе уже отвечала. Потому что ты — лучший...

Она обеспокоенно нахмурилась:

— Что с тобой? Ты выглядишь жутко.

— Любишь ты сказать что-нибудь приятное...

Она вглядывалась в меня со все большим подозрением:

— Какие-то проблемы под водой? Ты должен со мной поделиться...

— У меня никогда не было проблем под водой, ты что, забыла? Я просто сейчас занят, вот и все. Встретимся послезавтра на лодке. Я все подготовлю, положишь на меня.

Я высвободил руку, наверное, несколько грубовато, и ускорил шаг, стремясь уйти от ее вопросов, да и просто от нее. От нее и от того, что она олицетворяла.

Немного погодя я открыл дверь хижины, где жил в каждый свой приезд на Реюньон. Я пробыл здесь уже три месяца. Пожалуй, слишком долго. Я дважды повернул ключ, запираясь, чего никогда не делал: я жил с открытыми дверьми — в комнате практически ничего не было, только холодильник и матрас. Я задернул то, что служило занавесками, так как нуждался в темноте и хотел дать всем понять: я прошу оставить меня в покое. Одиночество было мне необходимо.

Я стянул с себя свою вторую кожу. Когда я избавился от гидрокостюма, у меня все заболело. Сколько лет я ношу защитную оболочку? Я содрал жизненно важный орган, лоскуты себя самого. И то же самое с пленкой соли, которая смывалась душем. Она сама собой исчезала, как если бы моя кожа ее отторгала, как если бы она была лишней, словно я дошел до точки невозврата. Эти белые крупинки, въевшиеся в меня за почти сорок лет, растворялись и исчезали навсегда. Как важный документ, который сжигаешь, чтобы он больше не дразнил тебя, чтобы убедить себя, будто его никогда не существовало. Получится ли забыть? Я на это не рассчитывал.

Я бродил по единственной комнате, служившей мне и спальней, и гостиной, и кухней. Залез в холодильник и достал пиво, случайно пережившее вчерашнюю пьянку. Отдернул все занавески, открыл окна и устроился под верандой, рухнув в не слишком удобное деревянное кресло. У меня не получалось долго оставаться взаперти. Что бы я ни утверждал и что бы ни происходило под водой и вообще в моей жизни, я всегда нуждался в воздухе и в близости моря. Сегодня я предпочел бы море взбаламученное, мрачное,

разбушевавшееся, погружаться в которое запрещено. Сегодня мне было бы лучше где-нибудь в северном полушарии, в Бретани или в Ирландии, и хорошо бы в разгар зимы. Бирюзовые воды Индийского океана и режюньонской лагуны притягивали сотни тысяч туристов, что плохо соответствовало моему настороженному и напуганному состоянию.

Я вытянул ноги, глубоко вздохнул, пытаюсь немного успокоиться, и сделал глоток. Было бы здорово, если бы алкоголь оглушил меня и помог забыть... Но я себя знаю, я плохо поддаюсь его воздействию. Почему так вышло, что Луиза встретила меня на пляже после *всего этого*? В другой день мне, вероятно, удалось бы среагировать по-иному, найти удачную реплику, какую-нибудь вежливую фразу, деликатное замечание. Или дать профессиональный ответ на ее вопросы.

Я готов быть счастливым ради нее, я всегда желал ей счастья, но сейчас это было выше моих сил, потому что она повела себя некрасиво. Как я умудрился так сильно полюбить ее когда-то? Эта женщина, похоже, все у меня забрала. Не явись она сюда и не посоветуй нанять меня, мне не пришлось бы в голову нырять в одиночку и я бы не попал в такую переделку. Я не подверг бы опасности ни себя, ни Ивана, не пребывал бы в растерянности и не задавал себе вопрос, как побороть желание остаться там, на глубине, которое охватило меня впервые в жизни.

Ни разу за все годы, что я занимался погружением по-настоящему — я не имею в виду тот день, когда мне было четыре года, день, который всплыл в моей памяти в момент головокружения, — у меня не воз-

никало желания остаться в толще воды. С первого погружения, которому я старательно учился, а научившись, сделал своей профессией и разъезжал с ней по всему земному шару. Хотел ли я умереть два часа назад? Свихнулся ли? Утратила ли моя психика устойчивость? Прорезалась ли склонность к суициду? У меня уже бывали и неприятности со снаряжением, и сложные декомпрессии, за время моей карьеры мне не раз казалось, что я не выберусь. Но никогда у меня не возникала эта зловещая тяга к вечному сну в воде. Придется поскорее с этим разобраться. Открыть глаза на реальность. Восстановить нашу с морем неразрывную связь, которую мы создавали вместе. Море всегда было моей большой любовью. Без него я был ничем и никем. Я обязан снова прийти к нему, чего бы это ни стоило, заново нырнуть в него и раствориться в нем, вернуть себе воду и все эмоции, необходимые для моего равновесия. Я должен во что бы то ни стало покончить со своей слабостью. И затянуть с этим не выйдет: ближайшее погружение назначено на послезавтра, хотя я бы предпочел совершить его в других условиях. Меня наняли на эту работу с подачи Луизы. Глупо, вообще-то, было думать, что я никогда не пересекусь с ней. И что заставило меня предполагать, будто ей не удастся заполучить самое желанное, то, чего я не смог ей дать?

Накануне я явился в лабораторию подводной биологии. Я был спокоен, благостен, без опасений по поводу контракта, из-за которого меня вызвали. Я был профессиональным ныряльщиком больше двадцати пяти лет, с чего бы мне растеряться из-за предложения сопровождать группу биологов? Ничего особенно при-

влекательного в этом не было: присматривать за ними, пока они берут свои пробы на глубине, не самое захватывающее занятие, зато у такой работы целых два преимущества — она спокойная и неплохо оплачивается. Поставленная задача не представляла никакой сложности. Меня вызвали за два дня до старта, чтобы я обеспечил меры безопасности, спланировал расписание погружений и изучил зоны, где будут проходить изыскания. Под водой моя единственная обязанность — наблюдать за учеными и направлять самых неопытных. Идя в зал заседаний, я ждал чего угодно, но, конечно же, не того, что руководит этим научным исследованием моя бывшая жена, которую я не видел уже три года. Что она делает на Реюньоне? Почему ее имя не мелькнуло в переписке? На какую-то долю секунды я ощутил себя в нокдауне и едва не сбежал. Но не успел. Заметив меня, Луиза отодвинула стоящих рядом коллег и повисла у меня на шее как ни в чем не бывало.

— Гари! Я просто счастлива, что мы опять будем работать вместе! Я потребовала, чтобы это был ты.

Неужели она забыла наш тяжелый развод, к которому мы подошли в состоянии постоянной злости и гнева? Меня парализовало, я не мог произнести ни слова, а она прижимала меня к себе. Это фальшивое объятие, лишенное смысла и ностальгической нежности, убедило меня в том, что у меня не осталось к ней ни малейших чувств. И это стало единственной каплей бальзама, пролитой на мою душу. Потому что, когда я обнимал ее, меня касался только ее живот, и все, через что мы прошли, всплыло на поверхность. Моя бывшая жена беременна, и у нее будет ребенок, которого я не сумел ей подарить. Ребенок, из-за которого мы терзали друг друга, изводили друг друга, кри-

чали друг другу гадости, ребенок, которого я желал так же, как она, но он, не существуя, разрушил нас, растворил всю нашу любовь до последней крошки, уничтожил ее. Она оторвалась от меня и схватила за руку мужчину, выглядевшего так, будто он извиняется за сам факт своего присутствия.

— А это мой муж, мы вместе руководим проектом.

Он протянул мне вялую руку. Кто-то посмеется надо мной, но я стиснул ее изо всех сил. В конце концов, вся власть принадлежала ему, он теперь был женат на ней, был отцом ее ребенка и моим работодателем. Я ничем ему не угрожал. Подписывая контракт, я не догадывался, что меня ждет. Луиза сменила фамилию и не сочла нужным предупредить меня о своем приезде.

— Здравствуй, Гари, — сказал он. — Я много о тебе слышал.

Я обошелся кивком, не разобрав, какую мысль он пытается до меня донести.

— Он будет твоим партнером при погружении, — перебила его Луиза. — Как ты догадываешься, мне не до ныряния...

Она как будто ликовала от того, что я наблюдаю, как она гладит свой округлившийся живот. Собралась ли она опять ломать меня, как в последние годы нашего брака? Как только желание материнства поглотило ее разум, Луиза утратила малейшую склонность к эмпатии. Она теперь думала только о себе. Даже сегодня, когда она гордо предъявляла на всеобщее обозрение свой живот, ей не пришлось в голову пощадить меня, ее не заботила боль, которую нанесла мне наша новая встреча. Она забыла, что я тоже мечтал основать семью и завести детей. Забыла, что бросила меня из-за того, что сочла ответственным за наше бесплодие.

И была права, ведь другой подарил ей то, чего она желала больше всего на свете.

— Покажите мне ваши морские карты, — потребовал я, никак не реагируя на ее сообщение.

Ее муж тут же послушно протянул их. Просматривая то, что они подготовили, я был как в тумане, но мне хватило сил выглядеть профессионально. Я забрал все, что они мне предъявили, и, не вдаваясь ни в какие уточнения, договорился о том, что мы соберемся на лодке в указанную дату, после чего распрощался. Остаток дня и следующую ночь я пережевывал конец нашей истории любви, не выпуская из руки полный стакан. Так и не сомкнув глаз, рано утром я появился перед Иваном, чтобы воспользоваться его надувной лодкой.

А следующим вечером, после того как я пережил желание остаться на дне и столкнулся с ней во второй раз, я снова взялся мусолить прошлое. Посвятил нашей истории еще одну ночь, заново прошел ее шаг за шагом...